

**ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА**

УРАРТУ-ИНГУШЕТИЯ: культурно-исторические связи

Материалы научного семинара
(21 апреля 2015 г., ИнгНИИ, г. Магас)

Магас
2016

УДК 908
ББК 63.3(2Рос)
У 68

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Ответственный редактор Н.Д. Кодзоев

На обложке: изображение бронзового шлема царя Урарту
Аргишти, сына Менуа (VIII в. до н.э.)

Урарту-Ингушетия: культурно-исторические связи: Материалы научного семинара *(21 апреля 2015 г., ИнгНИИ, г. Магас).*
– Магас, 2016. – 80 с.

21 апреля 2015 г. в Ингушском НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева прошел научный семинар «Урарту-Ингушетия: культурно-исторические связи».

Урарту – древнее государство IX-VI вв. до н.э., находившееся в Передней Азии. Наравне с Египтом и Ассирией Урарту являлась одной из ведущих мировых держав своего времени.

Язык урартов сохранился в клинописных надписях. Ученые его расшифровали и пришли к выводу, что наиболее близкими к нему из современных языков являются ингушский и чеченский языки. Кроме языковых параллелей, много общего исследователи находят в материальной и духовной культуре урартов и ингушей.

В данном сборнике опубликованы доклады, прозвучавшие на семинаре.

© ГБУ «ИнгНИИ»; 2016 г.

© Коллектив авторов; 2016 г.

КАМНИ С ЧАШЕОБРАЗНЫМИ УГЛУБЛЕНИЯМИ ИЗ СВАТИЛИЩ УРАРТУ И ИНГУШЕТИИ: ОБЩНОСТЬ ТРАДИЦИИ

Б.А. Хайров

Л.П. Семенов, среди прочих предметов из коллекции Ингушского музея краеведения упоминает «небольшой черный камень, имеющий с одной стороны 5 круглых углублений, с другой – два; камень этот некогда якобы служил для испытания зрелости юноши: испытываемый должен был вложить пальцы в углубления камня и поднять его...». По сообщению автора, камень поступил сюда в 90-х годах XIX в. из святилища Маги-Ерд (Горная Ингушетия) [Семенов, 2010. С. 14].

Почти такой же камень с чашеобразными углублениями («оагилгаш доахка кхера», «оагилг кхера») показывали Л.П. Семенову в селении Мецхал в 1927 году. Автор дает этому предмету следующее описание: «...Овальный камень с чашеобразными углублениями (на одной стороне 5 углублений, на другой – 4)... Длина его по окружности – 41 сантиметр, поперечные диаметры – 12 x 13,5 сантиметра, толщина – около 6,5 сантиметра». Этот камень прежде хранился в святилище, находившемся близ Мецхала и впоследствии разрушившемся [Семенов Л.П. Указ. соч. С. 14].

Как сообщает Л.П. Семенов, чашеобразные камни отмечались в разных местах Кавказа. В частности, автор ссылается на статью Пчелиной Е. «Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо» [Bulletin de Gorgie 46 1927], где встречаем описание следующего предмета: «Орудие неизвестного назначения – шарообразный камень с пятью выдолбленными углублениями; размер камня в длину 0,16 x 0,125м». По поводу этого сообщения, Л.П. Семенов замечает, «что число углублений на нем то же, что и на упомянутых выше камнях из ингушских святилищ» [Семенов, 2010. С. 24]. Исследователь повествует о похожем камне из осетинского селения Лац (1924 г.). Местный житель сообщил ученому «что, по преданию, углубления на чашечном камне, находящемся в этом селении, образовались от прикосновения пальцев нартов (богатырей, героев нартского эпоса).

Аналогичное предание было записано Л.П. Семеновым в 1927 году в ингушском селении Мецхал: чашеобразные углубления на камне, хранившемся в местном святилище образовались от прикосновения пальцев героя нартского эпоса Сеска Солсы [Семенов, 2010. С. 27-28].¹⁴

Более того, традиция эта, как нам кажется, уходит в переднеазиатскую древность. Так Корниенко Т.В. обращает внимание на необычный тип кирпича культового сооружения в южношумерском поселении Эреду. Кирпичи довольно значительных размеров были изготовлены вручную и на своей поверхности сохранили следы, как правило, пяти углублений, сделанных пальцами правой руки. По мнению автора, эти вмятины могли быть сделаны с целью лучшего скрепления кирпичей между собой известковым раствором. Корниенко Т.В. не исключает и посвяtitельный смысл этих знаков, специально оставленный на глине. Ведь известно, что в последующие периоды «письменной» истории Двуречья существовала традиция при сооружении и реконструкции культовых строений оставлять на кирпичах посвяtitельные надписи» [Корниенко, 2006. С. 10].

В этой связи немалый интерес могут представлять чашеобразные углубления на шве известкового раствора арки дверного проема одной из жилых башен поселения Эгикал (фото 1). Углубления те, как нам кажется, сделаны путем надавливания кончиков пальцев на

¹⁴ Пять чашеобразных углублений на этих камнях может быть связано с символикой числа не только ингушской (ср. ингушские пословицы: «Пхиъ воацар, дезал бац» («Без пятерых [детей] нет семьи»); мольба о ниспослании потомков: «Пхиъ валахъ» («Дай, [боже] пятерых [детей]»); «ПхелагIа шун тIа Iохоаве воI-воша ма эшалва вайна» («Пусть никогда мы не останемся без пятого брата (родича), чтоб заполнить место за пиршественным столом»); данная пословица имеет связь с традиционным круглым столиком на пять персон; изображение человеческой пятерни или «руки мастера»), но и общекавказской, и даже общепереднеазиатской традицией [Марковин В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни. М.: 2002. С. 49; Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махач-кала: 1923. С. 9]. Интересно сообщение Элизе Реклю, который пишет, что «туземцы (Северная Африка – курсив автора)... очень боятся дурного глаза и защищают свои жилища **знаком пяти пальцев**, так как число пять... считается особенно благоприятным. Отец многочисленного семейства всегда скажет: «у меня пятеро детей», хотя бы их было гораздо больше; он боится произнести другое число, как могущее иметь менее счастливое влияние или даже пагубное влияние» [Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая география. Т. XI. С. 180].

сырой раствор. Сам шов, имея дугообразную форму, вместе с тем по центру разделен гребнеобразным выступом (в верхней части шов имеет стрелчатую форму). По обе стороны выступа в ряд равномерно расположены углубления от пальца руки, количеством 15 (?) по каждую сторону. Гребнеобразный выступ, отпечатки равномерно расположенные в ряд создают впечатление узора и сюжетного оформления **входной** арки.

К той же традиции, на наш взгляд, можно причислить и несколько углублений на стене боевой башни Цуровых (с.п. Джейрах»), сделанные, опять же, пальцем руки. Отметины сделаны аккуратно, они четко выделяются на шве известкового раствора каменной кладки и потому можно заключить, что они явно носят не случайный характер.

Л.П. Семенов отмечает оригинальный чашечный камень в селеении Хамхи, а именно в поминальной камере склепа. По описанию автора, камень «...имеет продолговатую форму; с одной стороны у камня дугообразная выемка. На его плоской поверхности около 30 круглых чашеобразных углублений... Это первый случай обнаружения в Ингушетии плиты с чашеобразными углублениями» [Семенов, 2010. С. 21]. М.Р. Ужахов связывает углубления на этом камне с ингушским народным календарем. По мнению этого автора «...30 круглых чашеобразных углублений напоминают нам, что месяц по лунному календарю приближается к 30 суткам» [Ужахов, 1979. С. 39-40].

По свидетельству Л.П. Семенова камни с чашеобразными углублениями употреблялись не только в святилищах (Маги-Ерд, Мецхал), и склепах (Хамхи), но и в башнях (Эрзи) [Семенов, 2010. С. 29]. Это указывает на то, что автор не усматривает принципиального различия между камнями с чашеобразными углублениями в святилищах и похожими камнями в кладке стен башен. Потому можно сказать, что Л.П. Семенов относит их к единой традиции. И это при том, что камни в кладке стен башен, в отличие камней из святилищ, как мы отмечали выше, имеют только одно чашеобразное углубление. Пока неясно, почему углубления числом пять сократились до одного углубления, и что способствовало их появлению (или переносу) в кладке жилых и боевых башен.

Помимо отмеченных Л.П. Семеновым, при разведочном осмотре башен некоторых поселений, в кладке фасадных стен нескольких ба-

шен нами выявлены камни с одиночным чашеобразным углублением (к примеру, поселения Эгикал, Каьхк) (фото 2).

Камни с одиночным чашеобразным углублением употреблены в кладках башен многих поселений Армхинского ущелья (Мецхал, Меллари, Фалхан, Гарак, Торш (Тарш) (устное сообщение аспирантки ИнГГУ Т. Дзауровой) (фото 3,4,5,6). Таким образом, выявляется, что отмеченная нами своеобразная архитектурная деталь средневековых ингушских башен далеко не редкость. Это явное свидетельство того, что традиция почитания камней с чашеобразными углублениями была довольно широко распространена в среде ингушей.

В Горной Ингушетии отмечаются камни с чашеобразным углублением и несколько другого характера. Так, вблизи святилища Тушоли-цIей (поселение Бархане) находится валун значительной величины с чашеобразным углублением на поверхности. Углубление на камне отличается темно-коричневым, ржавым оттенком. Очевидно, это след от бывшего использования углубления. И.П. Щерблякин оставил нам подробное описание этого камня-валуна и этот же автор объясняет причину появления ржавых разводов углубления и вокруг него. Этот автор именует данное святилище как «святилище в ауле Бархин». По поводу упомянутого нами камня с чашеобразным углублением автор подробно отметил следующее: «На нижней террасе, против юго-восточной стены святилища, над самым обрывом лежит большой камень с плоским верхом, который имеет очертания семиугольника с неправильными сторонами, наибольшая диагональ 1,40 м, наименьшая 1,09 м; в верхней поверхности несколько в стороне от центра устроено чашеобразное углубление диаметром 0,32 м, глубиной 0,21 м.

При опросе жителей о назначении этого камня, получили следующее объяснение: в настоящее время в углублении камня разводится краска, служащая для окраски материи, в прежние времена к этому камню приходили женщины, желающие иметь детей, и касались животом отверстия камня...» [Щерблякин, 1930. С. 426].¹⁵

¹⁵ Неясно, по каким основаниям Л.А. Перфильева однозначно называет этот камень жертвенником («жертвенник с чашечным углублением в центре и желобком для стока крови») [Перфильева Л.А. Об особенностях употребления средневековых петроглифов на Северном Кавказе // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе: 1988. С. 134]. Нам кажется, что автор, не располагая для вывода информацией (к примеру, опрос старожил), и даже не опираясь на уже существующие к этому времени исследования по данным разновидностям памятников, не при-

Таким образом, благодаря стараниям И.П. Щеблыкина, мы узнаем, что этот камень в старину в представлении местных жителей обладал магической силой даровать детей и потому можно говорить о его связи с культом плодородия. Этот же автор дал ответ на загадку происхождения расцветки углубления.

Нами замечено, что такой же камень, только меньших размеров был обнаружен нами в черте башенного поселения Таргим (фото 7). Углубление на нем такого же ржавого цвета. Народное предание гласит, что такие углубления на камнях использовались для выделки пороха («молх»). Но учитывая то обстоятельство, что словом «молх» в ингушском языке называется еще и лекарство, можно говорить, что в данном случае, углубления использовались в роли ступы для измельчения в порошок различных ингредиентов лекарственных средств.¹⁶

При описании святилища Эрдзели Щеблыкин И.П. отмечает: «Выше двери и чуть ниже последней плитки крыши, в штукатурке видно вделанное чашеобразное углубление, посреди которого выпуклое полушарие; такое же изображение расположено между 2-3 плитками крыши штукатурка в этих местах зеленоватого оттенка» [Щеблыкин, 1930. С. 428].

Во внутреннюю часть одной из башен поселения Кхаьхки вдела на половинка расколотого надвое камня с чашеобразным углублением. На нем различимы следы довольно тонкой искусственной обра-

водя аналогий, совершенно произвольно интерпретирует назначение данного памятника и однозначно называет его жертвенником. Потому выводы Л.А. Перфильева о характере и назначении данного памятника противоречат самой методике исследования и интерпретации археологических памятников.

Л.А. Перфильева допускает оговорку и в другом месте. Так, камень со сквозным отверстием в кладке одной из башен поселения Хамхи, автор ошибочно называет чашечным камнем и относит этот памятник к петроглифам [Перфильева Л.А. Указ. соч. С.125-126]. Насколько известно, камни со сквозным отверстием относятся к другому типу памятников («Iург доалла кхера», «кьоабал кхера»). Совершенно ясно, что этот камень невозможно отнести к чашечным камням и тем более к петроглифам и потому выводы автора по этой части нельзя воспринимать серьезно.

¹⁶ На одной из заброшенных усадеб с.п. Даттых находится камень с чашеобразным углублением. Камень тесаный, прямоугольной формы, явно из кладки стены одной из многих башен, остовы и руины которых можно увидеть в окрестностях села и в наше время. Углубление на камне ржавого оттенка. При опросе старожилов об этом камне, в частности о назначении углубления и происхождении расцветки, автором был получен ответ, что углубление использовалось для толчения ингредиентов пороха («молха»).

ботки (выточки?). Отсутствие второй половинки говорит о том, что этот камень в кладке был использован вторично.

Возвращаясь к теме о назначении камней с чашеобразными углублениями, отметим, что кроме свидетельств их использования в святилищах для испытания юношей на зрелость, а также паломничества бездетных женщин к одному из таких камней, более ничего неизвестно (в данном случае вторичное их использование мы оставляем без внимания).

После Л.П. Семенова и И.П. Щерблыкина, специального исследования этих предметов никто из ученых не проводил. (Исследования ученых Трубецкого и А.А. Захарова о месте и культе камня в устаревших религиозных представлениях ингушей, пока, к сожалению, нам не доступны). Принимая во внимание, широко распространенную традицию почитания камней с чашеобразными углублениями у ингушей, нам кажется, что и понятия, связанные с этими памятники должны быть намного обширней.

Тем не менее, культовое назначение этих загадочных камней остается вне всяких сомнений.

Около века назад Л.П. Семенов прозорливо отметил: «Такие древности Ингушетии, как развалины циклопической постройки Ассинского ущелья, чашечный камень ... вводят исследователя местного края в широкий круг проблем мирового значения [Семенов, 2010. С. 156].¹⁷

Ученый также отмечал, что «...в памятниках древности Ингушетии нередко улавливаются связи с внекавказскими культурами [Семенов, 2010. С. 87]. Или же: «Касаясь вопроса о связях материальной культуры Ингушетии с культурой внекавказских стран, надо

¹⁷ Развалины циклопических башен имеются не только в одном поселении, как то замечает Л.П. Семенов. Неясно, почему в научный оборот вошли только развалины циклопических построек поселений Карт и Дошхакле. Остовы и развалины таких построек разбросаны по горной Ингушетии. Так, на склоне Цей-лоам, к северо-западу от поселения Эгикал отмечаются гнездовые развалины циклопических построек. Имеются они и в черте поселения Лейми. Множество развалин циклопических башен и стен отмечаются и в местечке ГалгIай наIарашке. Остовы циклопических башен наглядно иллюстрируются в поселении Кели. Здесь даже можно увидеть архаический тип перекрытия дверных проемов и другие своеобразные детали в архитектуре башен. Кстати, здесь они вместе со средневековыми башнями составляют единый комплекс. Многие средневековые башни выложены на остовах циклопических построек (к примеру, поселения Эгикал, Исмейл-туп).

отметить, что он пока мало освещен, но уже и теперь можно безошибочно утверждать, что изучение древностей Ингушетии выходит далеко за пределы проблем не только общегорского, но и общекавказского значения [Семенов, 2010. С. 155].

Следуя тем советам или пути, указанному известным ученым, мы постарались несколько расширить область поиска аналогов камней с чашеобразными углублениями. Оказалось, что похожие камни были обнаружены при раскопках древнего Армавира, на Южном Кавказе.

Армавир, древняя столица Армении в послеурартский период (в VI-II вв. до н.э., до основания Арташата), находился или находится на месте урартского города Аргиштихинили, или рядом с ним. В свою очередь, вполне возможно, что Аргиштихинили мог быть заложен на месте до-урартского поселения. Как передает К. В. Тревер, «народная память связывала основание Армавира с глубокой древностью, возможно даже с до-урартским периодом» [Тревер, 1953. С. 104].¹⁸

Археологический материал отчетливо показывает, что Армавирский холм имеет четыре мощных напластования, относящихся к медному веку (конец III - начало II тысячелетия до н.э.), урартскому периоду, эллинистическому периоду и к раннему армянскому средневековью [Пиотровский, 1950. С. 7].¹⁹

Однако возвратимся к теме о камнях с чашеобразными углублениями, найденными в Армавире. Изначально здесь были найдены две каменные глыбы с начертанными на них семью греческими над-

¹⁸ Согласно изложению Б.Б. Пиотровского, история самого города Аргиштихинили такова. Во второй четверти VIII в. до н.э. урартский царь Аргишти, сын Менуа, покорив мелкие закавказские племена, присоединил всю Араратскую равнину. Свой административный центр царь перенес на левый берег Аракса. На прибрежной скале, возвышавшейся над всей равниной, он построил крепость и назвал ее Аргиштихинили. Позднее тут был расположен город Армавир, древняя столица Армянского государства [Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Ереван: 1950. С. 7].

¹⁹ Если брать более узкие хронологические рамки именно урартского периода, по выводам Б.Б. Пиотровского, то «в культуре Закавказья VII и начала VI вв. до н.э. отчетливо наблюдаются три слагающих ее элемента: основной – местный закавказский, явившийся наследием культуры эпохи бронзы, урартский, обеспечивший связи Закавказья с культурой древнего Востока и скифский» [Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Ереван: 1950. С.12].

писями, судя по палеографическим данным, II-I вв. до н.э. [Тревер, 1953. С.105].

«Камни с надписями были найдены не в самой крепости на высоком холме, а у его подножия и на расстоянии 10-12 м друг от друга. Кроме этих двух камней поблизости от них имелись еще другие камни, схожие с ними по виду и покрытые своеобразными углублениями и рельефами, о чем речь будет идти дальше» [Тревер, 1953. С.106].

«Все это дает основание предполагать, что армавирские камни с греческими надписями, как и два других камня с углублениями, о которых речь будет дальше, являются остатками того помещения или, вернее, находились в той ограде, где получались ответы богов на вопросы, поставленные на записях в табличках». Тревер К.В. ссылается на слова Я.И. Смирнова из его доклада 1912года о «былом священном значении камня или, по крайней мере, былом нахождении камня в святилище».²⁰

«Чашеобразные углубления, вытесанные на этих камнях (табл. 68 и 73), не могут быть рассматриваемы как случайное природное явление. Дело в том, что и на поверхности скалы Армавирского холма, ближе к вершине (в восточной стороне) имеются такие же чашевидные углубления, в особенности около высеченного здесь пещерного сооружения, состоящего из ряда (более 13) помещений, причем диаметр этих полусферических углублений доходит до 50см. Далее Тревер К.В., со ссылкой на С.В. Тер-Аветисяна (УК. Соч., с. 60-61) и

²⁰ У Моисея Хоренского мы находим интересные сведения, связанные с древним святилищем Солнца (Аполлона-Арегакн) в Армавире. Он сообщает, что правнук Арма, по имени Арай, «оставил по себе дитя Анушавана, посвященного платанам, богато одаренного, многодумного в слове и деле. Он был посвящен служению платанам Араманаеака, что в Армавире. По шелесту их листьев и колебанию при тихом или сильном ветре и по направлению движения привыкли в течение долгого времени гадать в стране потомков Хайка» [Моисей Хоренский. История Армении. Кн. II. гл. 8.].

Ясно, что речь идет о святилище-оракуле, где гадание производилось по шелесту листьев платана. К.В. Тревер сравнивает его с подобным оракулом в Додоне (область Эпир), где происходило вопрошание бога и вещание его ответов по шелесту листьев священного дуба (VI-II вв.). Автор также упоминает ясеневую рощу при оракуле Аполлона Кларосского (Малая Азия) и рощу при храме Аполлона в Дидиме около Милета По мнению К.В. Тревер «высеченные на двух камнях в Армавире надписи являются отрывками литературных произведений, из содержания которых вопрошавший мог заключить, каков ответ бога на его вопрос» [Тревер К.В. Указ.соч. С.105-106].

И.А. Орбели сообщает, что «чашеобразные углубления этого размера имелись и на Ванской скале (см. И.А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. 1922, С. 21).

Следует отметить, что пол одного из этих помещений тоже покрыт чашеобразными ямами. Назначение этих углублений трудно объяснить, для этого необходимо изучить на месте распределение их на поверхности скалы, на камнях и на полу пещеры. Принимая во внимание, что они (С.108) высечены на трех сторонах камней, кроме лицевой, гладкой (с надписью), можно было бы предположить, что камни эти помещены были или в роще, или в храме таким образом, что их можно было обходить и осматривать со всех сторон и видеть и эти углубления. Можно допустить, что опадавшие с платанов листья, опускаясь на камни, могли закрыть собою ту или иную выдолбленную в камне чашечку, в которой могли лежать таблички с вопросом, или же тень от колеблемых ветром листьев падала на то или иное отмеченное углубление; возможны и другие приемы гадания, например с помощью насекомых....

Если прав С.В. Тер-Аветисян, говорит автор, и эти углубления действительно относятся к до-урартскому времени, тогда возможно еще одно предположение, а именно, что в качестве камней для надобностей оракула применялись древние камни, освященные временем и связанные, быть может, с древнейшими храмовыми сооружениями [Тревер, 1953. С. 108-109].

«В кратком отчете Армавирской экспедиции 1927 г. об этом третьем камне сказано, что три его стороны «покрыты чашеобразными, обыкновенными для армавирских памятников углублениями, один же угол покрыт вырезанными незнакомыми по своей форме знаками». Длина этого камня 2,70 м, ширина 1,40 м. На одной стороне камня вокруг длинной борозды имеются 15 маленьких (8х1,5 см) и 2 больших чашеобразных углубления (15х8 см). По мнению С.В. Тер-Аветисяна, этот камень следует якобы относить к до-урартскому периоду истории Армавира (Ссылка: Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, 1928, № 1-3, С. 20; С.В. Тер-Аветисян. Археологическое обследование городища и крепости Древний Армавир, рис. На стр. 53 и 55 и Ст. 62-63)». «Неподалеку от «барановидного» камня, к западу от него находится, как я видела в 1951г., еще очень интересный камень (Тревер К.В. – Х.Б.). Внешне он от остальных отличается плоским, несколько покатым верхом,

на котором высечен ряд изображений: у обращенного к западу края камня – пять округлых углублений разных размеров (диам. 3-8 см, глуб. 2-3см), внутри которых возвышается – в двух случаях (в наиболее крупных) – рельефный четырехугольник с закругленными углами, разделенный врезанными линиями на четыре квадрата, в двух мелких углублениях имеется по два рельефных овала, а в пятом (около лабиринта) – два концентрических круга» [Тревер, 1953. С. 118-119].

Третья надпись Аргишти, сына Менуи, была открыта у с. Ордаклю. На берегу озера, по дороге в сел. Севан, заметна небольшая гряда скал, на одном из камней которой и вырезана клинообразная надпись... Неподалеку от клинописи имеются развалины древней крепости.... На вершине основного крепостного холма имеются развалины постройки, около которых находится камень с 12-чашечными и одним квадратным углублениями [Пиотровский, 1944. С.78].

Таким образом, выясняется, что традиция почитания камней с чашеобразными углублениями была общей как для до-урартского населения (Аргиштихинили-Армавир), так и для самих урартийцев (на примере памятников Ванской скалы, у с. Ордаклю), что свидетельствует о глубокой древности данной традиции.

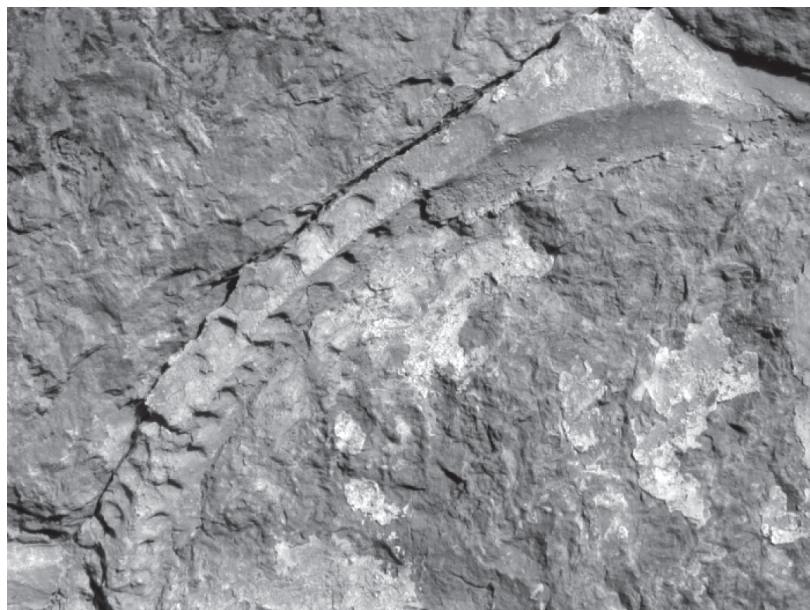
Урартскую традицию почитания камней с чашеобразными углублениями впоследствии наследовали древние армяне. Косвенным свидетельством преемственности этой традиции, на наш взгляд, является и тот факт, что название камня на ингушском («кхер») и армянском («к'ар») совпадают [Парнасян, Манукян, 1990. С. 421]. Ясно, что речь идет о заимствовании из нахского языка (или урартского) в армянский. Очевидно, что термин имеет единый источник происхождения и, как нам кажется, немаловажную роль при заимствовании его в армянский язык, могло сыграть культовое почитание камней с чашеобразными углублениями.

Что касается этнической и языковой ситуации этого региона в целом, известно, что, «в V-IV вв. до н.э. большинство населения Армянского нагорья было ассимилировано армянами, но часть урартов сохраняла свой язык до исхода I тыс. уже нашей эры [Ладынин, 2004. С. 122]. Отсюда следует, что позиция урартского языка была довольно устойчивой, если в условиях двуязычия он просуществовал целых полторы тысяча лет.

Таким образом, мы выяснили, что традиция почитания камней с чашеобразными углублениями была одинаково присуща ингушам позднего средневековья, до-урартскому населению Армянского нагорья и, наконец, урартийцам и мы можем с уверенностью заявлять об общности данной традиции для всех перечисленных народов. К сожалению, что касается самой традиции, и тем более ее истоков, многое пока остается для нас неясным и требует дальнейшего скрупулезного исследования.

И потому, я хотел бы завершить свой небольшой труд словами Л.П. Семенова: «Местная материальная культура, вследствие ее многообразия и сложности взаимодействий с культурой как соседних областей, так и областей отдаленных (юга России и Востока) требует длительного, планомерного и углубленного изучения» [Семенов, 2010. С. 29].

Иллюстрации:

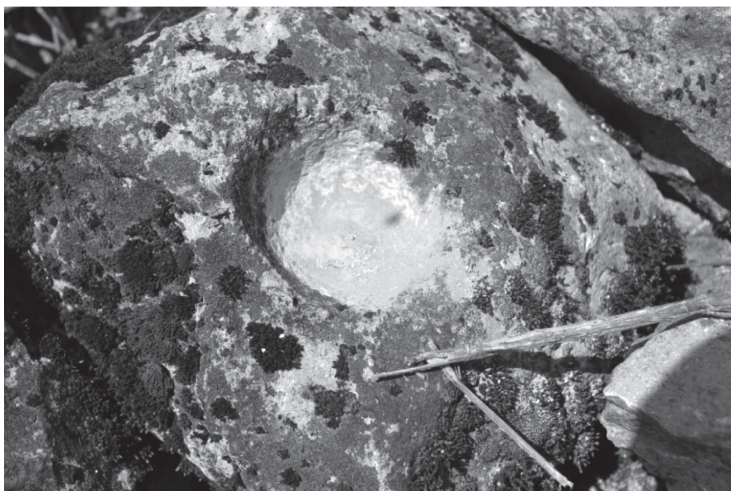
Илл. 1. Отпечатки пальцев на арке дверного проема.
Фото М. Гандаур-Эги

Илл. 2. Камень с чашеобразным углублением в кладке внутренней стены жилой башни. Поселение Каыхки. Фото Т. Дзауровой

Илл 3. Камень с чашеобразным углублением поселения Фалхан.
Фото Т. Дзауровой

Илл 4. Камень с чашеобразным углублением.
Поселение Мецхал. Фото Т. Дзауровой

Илл 5. Камень с чашеобразным углублением. Поселение Мелари.
Фото Т. Дзауровой

Илл. 6. Камень с чашеобразным углублением в угловой кладке боевой башни. Поселение Салги. Фото Т. Дзауровой

Илл. 7. Камень с чашеобразным углублением . Поселение Таргим.
Фото М. Гандаур-Эги

Литература:

Корниенко Т.В. Культовое строительство Южной Месопотамии в убейдский период (По материалам Эреду и Урука) // ВДИ (Вестник древней истории), 2006, № 2 (257).

Ладынин И.А. и др. История древнего мира: Восток, Греция, Рим. М., 2004.

Парнасян Н.А., Манукян Ж.К. Самоучитель армянского языка. Ереван:1990.

Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Ереван, 1950.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Назрань, 2010.

Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н. э.). М.-Л., 1953.

Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.

Щеблыкин И.П. Архитектура древних ингушских святилищ. Владикавказ, 1930.